

Ф.В. Кондратьев

Религиозная духовность в понимании психиатра

*Лекция*ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского»
Минздрава России, Москва, Россия*Ключевые слова: психиатрия, религия, духовность, религиозное чувство, социальное поведение, сатанизм***F.V. Kondratiev**

Religious spirituality as it is understood by a psychiatrist

Lecture

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

Keywords: psychiatry, religion, spirituality, religious sentiment, social behavior, satanism

Казалось бы, что сложного в слове «религиозность»? Сложность эта проявляется мгновенно при обращении к сети Интернет. Существуют десятки сайтов, на которых определяется это понятие. Полученная из Интернета информация представляет собой смесь несовместимого: от «это мракобесие» до «высшее свойство человека», от «архаичных представлений» до «новых направлений в изучении человека», от «характеристика сознания и поведения отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» до «новых принципов отношения к сакральному началу, вылившихся в формирование нового облика религии и нового типа верующего», и т.д., а также что это проявление культуры, нравственных ориентаций, форм социального поведения... В этой информационной свалке любой может найти то, что ему априорно импонирует, и то, с чем он никогда не сможет согласиться. В ссылках на специальную литературу также указывались источники, содержащие взаимоисключающие положения. Самым грустным

впечатлением от работы с этим информационным нагромождением было то, что всем авторам этих публикаций все было ясно, ни у кого никаких сомнений в своих рассуждениях.

Оказалось, что Интернет представляет множество интерпретаций и слова «духовность». Здесь можно встретить, что «душа» и «дух» – синонимы или что «дух» – высший уровень души и многое другое.

Не буду входить в детали, представленной в Интернете информации, отмечу то, с чем согласен полностью и что было мной использовано в данной работе. Слово «религия» означает восстановление («ре-») связи («-лигио») с «духовным», а духовность в самом общем смысле – это «совокупность проявлений духа в мире и человеке», «связь с надындивидуальными смыслами и ценностями, божественными или космическими силами», что духовность – это нравственная категория, которая бывает «светлой» (связь с Богом, а отсюда любовь, добро, созидание) и «темной» (связь с Са-

таной, что предопределяет ненависть, зло, разрушение), что духовность бывает индивидуальной, определяющей суть человека, и трансцендентной, управляющей Миром, и что духовность («Дух») бывает слабой и сильной, и это играет существенную роль во всех ее проявлениях.

Мой интерес к этой проблеме возник при работе по конкретной психиатрической тематике. Работая над своей монографией «Судьбы больных шизофренией» [1], я смог убедиться в том, что религиозность (как вера во Всемогущего Бога, определяющего наши судьбы) играет в жизни больных весьма существенную роль, в том числе как корректор душевных расстройств [2]. Этот факт привел меня к специальному анализу аспектов взаимовлияния религиозности и психопатологии [3]. Данный анализ подтвердил существенное значение религиозности для психического здоровья [4]. Вместе с тем при работе над этой темой можно было убедиться, что само понятие «религиозность» и сопряженное с ним понятие «духовность» имеют разночтения, что создает проблемы научного взаимопонимания [5]. В этой связи было очень важно определить, какую выбрать методологическую основу для обсуждения, поскольку сама обозначенная тема может быть приманкой для любителей критических коллизий [6].

Методологическая сложность обусловлена тем, что нужно рассматривать взаимосвязь того, что не имеет, казалось бы, точек соприкосновения: религия – из мира идеального, духовного; психиатрия – из мира материального, реальных нарушений функционирования головного мозга. Более того, речь вообще идет о сопоставлении, казалось бы, принципиально несопоставимого: духовно-идеалистического и научно-материалистического в познании человека. Опережая основные свои рассуждения, уже здесь скажу, что А. Эйнштейн, заканчивая специальную статью «Религия и наука», написал: «Один из наших современников сказал, и не без основания, что в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди» (1930). Такие слова великого материалиста созвучны мыслям папы Иоанна Павла II: «Вера и разум – это как бы два крыла, на которых человеческий дух возносится к созерцанию истины, ибо Сам Бог вложил в умы людей стремление к познанию истины, а также к познанию Его Самого, чтобы люди, познавая и любя Его, смогли найти полноту истины о себе самих» [7].

Я задумал эту лекцию в первую очередь для психиатров, которые хотели бы лучше понимать своих пациентов, если те окажутся религиозными. При этом я, конечно, не призываю принять какое-либо вероисповедание, а просто пытаюсь объяснить что есть что для понимания психиатра и какую для лучшего такого понимания взять методологию. Свою работу я начал с подборки фактов, свиде-

тельствующих о том, что «все ясно» только невеждам, что мир далеко не так прост, как кажется.

В 1937 г. в СССР была проведена перепись населения. Среди вопросов был вопрос о религиозности, ответы шокировали советскую систему – 56,7% населения страны назвали себя верующими, и это несмотря на два десятилетия ожесточенной пропаганды воинствующих атеистов, массовых уничтожений религиозных святынь, церквей и монастырей и демонстративных репрессий духовенства. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) к XIX съезду партии большевиков «в СССР не должно остаться ни одного попа». Для исправления ситуации и реализации партийного замысла уже в 1937–1938 гг. был расстрелян каждый второй (!) священнослужитель Русской Православной Церкви (более 100 тыс. человек). Только на Бутовском полигоне НКВД под Москвой с августа 1937 г. по октябрь 1938 г. были расстреляны и похоронены 20 765 чел. Перед расстрелом почти тысяче из них предлагалось: «Откажись от Бога, и мы тебя отпустим». Кто-то (единицы) отказался, остальные – нет, но никого не отпустили, и убиты были все. В религиозном понимании они «пострадали как исповедники православной веры», сегодня более 300 из них прославлены в лике святых, новомучеников в земле Российской просиявших.

Как психиатр должен понимать этот исторический факт? Понимать не в том плане, что это было очевидное уголовное преступление, а в том, что каждый из упомянутой тысячи священников, казалось бы, одним своим словом мог спасти свою жизнь – и не сделал этого! Ради чего был преодолен главный витальный инстинкт – инстинкт самосохранения? История с древнейших времен знает немало подобных трагических фактов, свидетельства о них сохранились до наших дней. Я поймал себя на каком-то мистическом чувстве единства исторического противостояния, когда был в римском Колизее, тысячелетия назад залитого кровью первых христиан, отказавшихся отречься от своей веры, и когда был среди захоронений Бутовского полигона.

Трудно понять религиозные войны, но здесь можно домыслить и говорить о каком-то коллективном бессознательном. Однако и в Колизее, и в Бутово, когда каждый по своему внутреннему зову предпочел уйти из жизни, но не отказаться от Бога – то здесь что-то другое. Что это за внутренний духовный зов, который победил страх смерти? Имеет ли все это какое-либо отношение к психиатрии, сферой познания которой являются нарушения нормативности функционирования высшей нервной деятельности, как учат психиатры-материалисты? А были ли здесь такие нарушения? Всё это вопросы трудные, фундаментального значения, и нами, психиатрами, они должны быть правильно поняты, чтобы не навредить своим пациентам. С позиций ортодоксального материалистического

подхода ответов здесь нет. С конца XX в., когда в разработках гуманистической и трансперсональной психологии стало появляться совершенно новое осмысление понятий «душа», «дух», открылись перспективы новых исследований (А. Маслоу, В. Франкл, Э. Сутич, С. Гроф и др.) и появились новые обоснования подходов к оценке «нормативного», «искусственного», «болезненного». Будем ждать результатов этих исследований.

Однако разработки выдающегося мыслителя современности, психолога, психиатра и социолога Виктора Эмиля Франкла (V. Frankl) о трихотомическом интеграле (о телесном, душевом и духовном уровнях измерения) уже убедительно показали, что «Человек – это большее, чем психика: человек – это дух», что его поведение прежде всего определяется ценностями и смыслами, локализованными в духовно-этическом измерении, что человек свободен и фатально не подвержен детерминирующим воздействиям со стороны факторов ниже лежащих уровней измерения (душевного и телесного) [8].

Преодоление витальных инстинктов у священнослужителей, решавших вопрос «быть или не быть?», оставаться униженными в этом брэнном мире или уйти в мир горний, к Богу, – свидетельство существования религиозной духовности и ее силы.

Факты примата религиозной духовности и свидетельства ее силы история человечества сохраняет с древнейших времен и продолжает накапливать.

Лауреат Сталинской премии I степени профессор-хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий (он же в дальнейшем святитель Лука) после войны опубликовал книгу «Дух, душа и тело», в которой утверждал: «И если несомненно, что соматические процессы в значительной степени определяют течение психических процессов, то столь же несомненно, что необходимо признать и психическое воздействие на все соматические процессы в организме».

Он приводит убедительные примеры. Так, у получившего открытый перелом костей голени возникло и «долго длилось тяжелое нагноение, кости не срослись, и нижняя часть голени со стопой болталась во все стороны. Через 8 лет он отправился на поклонение в святой град и там внезапно почувствовал себя исцеленным. Он может стоять и ходить, наступая одинаково свободно на обе ноги. А 8 лет он ходил на костылях».

Другой случай. У получившего «во время железнодорожной катастрофы перелом позвоночника, последствием которого был паралич ног с атрофией мышц и начинающейся гангреной», произошло нечто подобное. После посещения святого места «на другой день зажили гноящиеся язвы стопы. Он мог ходить без палки, несмотря на атрофию мышц. Через 3 недели он прибавил в массе тела 10 кг и мог начать свою прежнюю работу». «Тяжелое повреждение спинного мозга, о чем свидетельствует не только паралич ног, но и атрофия

мышц и даже начинающаяся гангрена. Все это – необратимые изменения, по нашим медицинским знаниям, и никакое самое могучее, но только физиологическое воздействие мозга не могло бы их исправить». Объяснить «только физиологическим воздействием мозга, хотя бы и могучего, невозможно уже потому, что все мозговые процессы и все воздействия мозга протекают во времени, а эти чудесные исцеления происходили почти вне времени. Такая быстрота действий возможна только для духа». В.Ф. Войно-Ясенецкий добавляет: «Мы могли бы привести много подобных исцелений при открытии мощей преподобного Серафима Саровского, из житий святителя Питирима Тамбовского и многих других святых». «Этими рассуждениями мы подкрепляем и обосновываем высказанное положение, что дух творит формы». Таковы факты!

Явно вне зоны психопатологии, но и вне зоны общей психологии находятся те факты, которые вызывают недоумения у атеистов и называются чудом у верующих людей. Подтверждают реальность и значение религиозной веры описания случаев телесного исцеления по глубокой молитве, которых более чем достаточно и в художественной и в мемуарной литературе и даже в сообщениях средств массовой информации. В 2010 г. в Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова я участвовал в научной дискуссии на защите докторской диссертации, которая была посвящена описанию и научному анализу подобных случаев – исцелению от болезни по глубокой вере.

У религиозных личностей с обостренным религиозным чувством и глубокой верой бывают такие изменения, которые непосредственно подтверждают положение Апостола Павла о единстве тела, души и духа. Строгая аскеза, самораспятие поднимают личность к такому духовному состоянию, которое позволяет изменять свойства тела. Одной из ярких, всемирно известных иллюстраций этого положения является факт из жизни Франциска Азисского [9]. Он настолько уподоблял свою жизнь страданиям Иисуса Христа, что у него на теле возникли такие же, как у Христа при распятии, раны (на ладонях и стопах от гвоздей и на груди от копья). Этот факт был засвидетельствован на ряде полотен художников, хранящихся до сих пор.

С какой же стороны подойти к пониманию религиозной духовности, учитывая, что прямое и позитивное познание Бога невозможно (апофатическое богословие [10]). В арсенале психологических методов познания нет инструментальных для познания того, что представляет иной, высший, духовный уровень измерения человека. В академическом богословии утверждается, что Бог как Дух разумом не познаваем, но Его можно чувствовать. С этим можно согласиться: нельзя познать то, что выше психологического уровня инструментальными этого же,

психологического, уровня, однако можно по интуиции, по **чувству** допустить, что там, выше, **что-то** есть.

Несмотря на несомненные успехи во второй половине XIX в. выдающихся отечественных ученых (И.М. Сеченов, И.И. Мечников и др.) в области физиологии и медицины, которые, казалось бы, снижали авторитет религии, все же великий отечественный ученый и классик психиатрии С.С. Корсаков накануне XX в. в своем фундаментальном издании «Курс психиатрии» (1901) написал: «Религиозное чувство в большей или меньшей степени присуще каждому нормальному человеку, хотя проявляется в разнообразных формах, и иной раз в самых резких проявлениях так называемого атеизма можно при помощи тонкого анализа отметить проявления борьбы со скрытым и искусственно подавляемым религиозным чувством». Хочу подчеркнуть, что корифей отечественной психиатрии С.С. Корсаков говорил о «религиозном чувстве» в противопоставление «атеизму, основанному на экспериментальных знаниях», полученных при работе с материальными субстратами, т.е. с тем, что совсем из другой сферы реальности – из реальности, не имеющей отношения к духовной жизни. Рассуждая об «энергиях совсем иного порядка», С.С. Корсаков утверждал, что «мы не можем с невежественной насмешкой относиться к тому, что говорят многие высокоталантливые люди, считающие себя представителями метафизики, только потому, что эта область умственных исследований носит такое дразнящее название» [11]. Высмеивая, по существу тех, кому «всё ясно» в отношении «вопросов в высшей степени важных и глубоких», он говорил, что для их решения недостаточно современного положительного знания и нельзя пренебрегать, как совершенно ненужным хламом, тем, что говорят так называемые метафизики. Рассуждения профессора С.С. Корсакова об открывающей истине «творческой работе бессознательной идеации» мне представляются предвестниками предположений современных информациологов о реальности духовности на «нульматериальных носителях».

Дар воспринимать *религиозное чувство* у разных людей различен: у кого-то он проявляется в раннем детстве, у кого-то много позже, а до этого человек просто туп для его восприятия, или же вообще этот дар остается не пробужденным. Человек может потерять религиозное чувство, но оно может быть и постоянным, и тогда он будет **жить в со-бытии** с Богом, для такого человека божественное более реально и значимо, чем так называемая объективная реальность. Это чувство становится более ощутимым в психотравмирующих, стрессовых ситуациях, когда человек испытывает потребность в сочувствии и помощи. Уильяму Черчиллю приписывают фразу: «На фронте в окопах атеистов не бывает». Отмечено, что столкновение со смер-

тью порождает стремление глубокого осознания смысла жизни, при этом у многих людей, независимо от их происхождения, образования и ранее зафиксированных верований, возникали стойкие религиозные чувства. Религиозное чувство нередко радостно ощущается при созерцании природной красоты, в процессе благого творческого дела, особенно при его завершении, и при постижении истины. Великий философ Иммануил Кант подчеркивал, что не страх перед природой, а восторг от ее красоты ведет к Богу, и отмечал: «Звездное небо надо мной и моральный закон во мне дает мне чувство Бога». Озаренность человека этим чувством даже удается запечатлеть в изобразительном искусстве, например, так, как она выражена у отрока в картине М.В. Нестерова «На Руси. Душа народа».

Основанная на религиозном чувстве религиозность – исходное нормативное свойство человека, она может быть развита и углублена приобщением к соответствующим религиозным учениям, ритуалам, общинам или же заглушена – при ориентации жизни исключительно на материальные интересы и на удовлетворение страстей гедонизма. Важно, что ее нельзя ни придумать, ни вызвать искусственно, ни навязать внушением. Профессиональные религиоведы, хорошо зная предмет своей науки, могли всю жизнь оставаться атеистами, если не обладали религиозным чувством.

В основе религиозного чувства лежит ощущение человеком своей связи с неким духовным началом, с чем-то именно «внеземным», «надземным». Даже на наскальных рисунках доисторического человека находят изображения чувственного обращения к Небу. Известный религиовед советского времени Н.М. Никольский утверждал, что 9/10 всей древнейшей литературы посвящено представлениям о божественных сущностях и о контактах с ними [12]. В настоящее время воочию можно засвидетельствовать выражение чувства соприкосновения с трансцендентальным, метафизическим. Крупный российский психолог Ф.Е. Василюк назвал эти состояния «диалогом с Богом» [13]. Во время специального пребывания в Оптиной пустыни (для сбора материала к одной из своих работ) я неоднократно видел застывшие фигуры паломников с обращенным к небу взором и с полной отрешенностью от всего окружающего, некоторые из них пребывали в такой позе духовного общения с Богом часами.

Констатация религиозности, вера в существование всемогущей духовности у всех этносов и во все времена свидетельствует о том, что религиозное чувство реально, имманентно и присуще всему роду человеческому как таковому. Не найдено ни одного племени ни на одном материке, у которого бы не имелось этого чувства ни в настоящее время, ни в прошлом. Оно из реальной жизни, и материалисты не могут их отрицать, хотя они впра-

ве интерпретировать эти факты как-то по-своему, не веря в их духовность.

К сожалению, атеистически ориентированные психиатры, как правило, просто не располагают корректным знанием о смысле и назначении религии. Тем не менее известна позиция крупнейшего психолога и психиатра XX в. Карла Густава Юнга, согласно которой религия является «великой силой, содействующей стремлению человека к целостности и полноте жизни». Оставаясь в рамках непредвзятого исследователя, он писал: «Религиозный опыт абсолютен. Он несомненен. Вы можете сказать, что у вас его никогда не было, но ваш оппонент скажет: «Извините, но он у меня был». И вся ваша дискуссия тем и закончится. Неважно, что мир думает о религиозном опыте; для того, кто им владеет, – это великое сокровище, источник жизни, смысла и красоты, придающий новый блеск миру и человечеству. У него есть вера и мир. Где тот критерий, по которому вы можете решить, что эта жизнь вне закона, что этот опыт не значим, а вера – просто иллюзия? Есть ли на самом деле какая-нибудь лучшая истина о последних основаниях, чем та, что помогает вам жить?» [14].

Выдающийся современный католический богослов Луиджи Джуссани (Luigi Giussani), размышляя о религиозном опыте, утверждает, что «речь идет о реальном явлении, более того, о непреложном факте, статистически наиболее распространенном в человеческой деятельности... который можно определить как религиозный опыт или религиозное чувство» [15]. Американский психолог Уильям Джеймс (William James) даже составил ставшую всемирно известной энциклопедическую книгу «Многообразие религиозного опыта» (1910). Джеймс выступил категорически против физиологических объяснений религиозных переживаний, указывая, что реальный мир гораздо более сложен, чем это предполагает и допускает естествознание, он заложил основы психологии религии.

Так или иначе, все это свидетельство о возникающем у людей помимо их воли особого чувства связи их **Я** с чем-то, что выше, сильнее, может наставлять и приносить благо. Это чувство связи – суть религиозности, оно относится к духовному уровню измерения человека, отсюда идет особая жизнь с приоритетом духовности в трихотомическом (тело–душа–дух) единстве человека.

Религиозное чувство вызывает потребность размышления о возвышенном, поиск объяснения того, зачем и почему оно возникает, откуда оно идет, в чем его смысл. Способные к самоанализу и осмысливанию духовных реалий древние искатели истины создавали по своему вдохновению, информационным возможностям и, конечно, по богооткровению соответствующие толкования. Еще до Рождества Христова великие мыслители античного мира, Греции и Рима, языческого вездизма,

зороастризма, Ветхозаветные пророки оставили нам огромное наследие духовных знаний. До сих пор представления о том, что кроется за чувством связи с трансцендентным, создают религиозные учения, формируют синкретические неокульты (секты), образуют новые конфессии.

Несмотря на такое многообразие, в любом случае есть то единственно общее, что позволяет одинаково понимать религиозность как чувственное соприкосновение (со-бытие) человека с чем-то большим, чем реалии обыденной жизни, с духовными силами, стоящими над ним и над всем сущим, но с чем можно установить связь – обращаться с просьбами, молитвами, благодарить и славить.

Религиозные учения вторичны по отношению к религиозному чувству. Изначальность религиозности не в содержании того или иного учения, а в вышеуказанном чувстве реального соприкосновения с чем-то метафизическим. Осмысливание этого чувства и принятие для себя верования, его объясняющего, – естественный процесс для человека. Импонирующее ему религиозное учение, которое объясняет это чувство как некую реальность, он может в принципе выбрать сам. Однако это бывает очень редко: когда приходит время осознанного отношения к чувству своей религиозности, то ее толкование оказывается уже определенным воспитателями (при крещении, при обрезании). Вложенное религиозное верование проявляется как бы автоматически, идет по накатанной дорожке, «как у отцов», «как у всех», но это «как у всех» оказывается только в своем социуме. Оно может стать не как у всех в другом социуме, и тогда при отсутствии толерантности в этом социуме к другим верованиям – вражда, войны, убийства «неверных» [16].

Бывает и так, что наплыву религиозного чувства человек дает собственное объяснение на основе своего интеллектуального ресурса и когнитивных возможностей. Сложившееся представление о духовном содержании этого чувства создает религию одного человека. Согласно определению Европейского суда по правам человека, «защита права человека на свободу религии не ограничивается распространенными и признанными в мире религиями, но также применяется и к редким и практически неизвестным верованиям» даже, когда этих убеждений придерживается всего один человек. Поскольку он, этот человек, имеет духовность на основе своего религиозного чувства, то здесь полное соответствие понятию «религиозная духовность».

В целом принятие того или иного объяснения или религиозного учения обуславливается различиями конкретных социально-психологических влияний, исторически сложившейся культуральной экологией – той информацией к восприятию, которая непосредственно влияет на человека: не сможет он стать христианином или мусульманином, если

никогда не слышал (или не хотел слышать) про Евангелие или Коран. Имманентным учение Иисуса Христа или же пророка Мухаммеда оказывается лишь у того, кто имеет религиозное чувство и ищет ему объяснение. Принятие таким человеком религиозного учения делает его не просто религиозным, а **верующим**: человек становится верующим, когда полученное религиозное знание укрепляет у него **доверие** к своему религиозному чувству как к истинно духовному, божественному явлению. Именно это доверие делает человека религиозно-верующим, он становится выше собственных помыслов и молит Бога: «Да, будет воля Твоя!». И уже верит всему, что сказано в учениях этой религиозной веры как принятой системы знаний, неукоснительных догматов. Такое принятие учения по зову, принятие не логикой, а чувством фактически является надпсихологичным, духовным.

Религиозные учения предписывают определенный модус социального поведения верующих, в том числе в виде согласованных ритуальных действий. В случаях своего доминирующего положения в социуме религиозное учение определяет в нем общественное мировоззрение и формирует адекватные ему векторы социальных отношений людей, считающих себя религиозными. Одновременно в социуме, имеющем доминирующую религиозную традицию, религиозная ритуальность становилась нормативной формой поведения даже у людей без религиозного чувства и без главенства духовности в антропном триединстве. Не желая выделяться в своем микросоциуме, такие люди также называют себя верующими, но от этого их «религиозность» не перестает быть бездуховной, она у них без внутреннего чувства со-бытия и носит всего лишь номинально-ритуальный характер. У таких людей принятое «как у всех» религиозное верование и учение может легко измениться, поддаться коррекции под психологическим воздействием атеистов или иноверцев. Понятие «религиозная духовность» к ним не относится именно потому, что здесь нет в основе религиозного чувства, а имеет место лишь результат социально-психологического воздействия, индукции.

Каждое религиозное вероучение показывает человеку его роль и должную позицию в системе экзистенциальных смыслов (смыслов бытия от начала жизни и даже после ее конца). И такая религиозная духовность становится как бы **нравственной конституцией** личности [5]. Религиозная духовность как основа нравственной конституции личности определяет направленность социального поведения как у психически здоровых, так и у больных. Так, сущность религиозной духовности у психически здорового воцерковленного христианина и также психически здорового фанатичного приверженца исламского фундаментализма полностью противоположны, что обуславливает ра-

дикальные различия их жизни. Такие же различия и у психически больных. Больные шизофренией при одном и том же синдроме с одной и той же фабулой, но с принципиально различной религиозной духовностью обнаруживают и принципиально разное поведение – одни молитвенно просят Бога урезонить «преследователей», а другие убивают своих мнимых врагов. Один из моих пациентов – больной шизофренией – рассказывал, что у него были состояния, когда «голоса приказывали» выколоть мне пальцами глаза. Понимая чуждость этих требований, он обращался за помощью к Богу. Мне не раз приходилось иметь дело с больными в остром психотическом состоянии, с синдромом Кандинского–Клерамбо, которые при нелепом в целом поведении, испытывая императивные галлюцинации, не допускали того, что противоречило бы их нравственной конституции, основанной на религиозной духовности.

Такое же значение нравственной конституции прослеживается и в тех случаях, когда религиозность как чувство связи исходит от сатанинской духовности. Жизнеописания имеющих светлую духовность, которая проявляется во всех деяниях, достаточно широко представлена в церковной литературе. Русскоязычных изданий о жизни имеющих религиозную духовность противоположного направления – сатанинскую – практически нет. В книге «Люди погибли. Сатанизм в России: попытка анализа» (2000) [17], написанной по материалам проведенных мной судебно-психиатрических экспертиз, даны примеры религиозной духовности сатанинского содержания. Эта духовность, имея деструктивную направленность, создает соответствующую нравственную конституцию, которая предопределяет общественно опасное поведение адептов сатанизма. Эти особенности высшего, духовного уровня измерения личности проявлялись вне зависимости от качества душевного (психологического) уровня. Они направляли в соответствующую сторону поведение как психически здоровых, так и психически больных сатанистов. Так, один из них, психически здоровый, в своих действиях предусмотрел все, «чтобы ублажить сатану». Он совершил кражу иконы именно у православного художника и именно в пасхальную ночь, намеревался изнасиловать служительницу храма именно такую, чтобы та была девственницей, а само надругательство совершить в алтаре и именно на престоле – самом святом месте в христианском храме. Другой больной, страдающий шизофренией, свое «служение сатане» реализовал убийством трех иноков-звонарей одного из наиболее почитаемых монастырей, во время торжественного перезвона в Пасхальную ночь и кинжалом с символикой «666». Такова у них была религиозная духовность, выразившаяся в служении сатане. И тот, и другой имели чувственный контакт «с Повелителем».

У меня нет достаточного материала для статистически достоверных обобщений, какие факторы (наследственные, особенности раннего детства и подросткового возраста, микросоциальной экологии или что другое) предопределяли различия религиозного чувства: со-бытие с Богом или со-бытие с Сатаной. Хотя изучение фактического материала не дало оснований для категорических утверждений об абсолютных причинах, все же можно отметить достаточно четкое преобладание благостных отношений в семьях тех, кто в последующем имел чувственное со-бытие со светлой духовностью, и, наоборот, антагонизм, взаимонеприязнь, ненависть в семьях тех, кто в дальнейшем имел духовное со-бытие с Сатаной. Наиболее чувствителен к таким влияниям предпубертатный и пубертатный возраст, в более позднем возрасте такой зависимости нет. Один из моих подэкспертных, убивший свою мать за то, что она препятствовала его связям с сатанистской общиной, воспитывался в семье с враждебными взаимоотношениями родителей. Уже в детстве он имел прозвище злодей, изощренно мучил животных, издевался над бомжами. В школе учился хорошо, но ни с кем не дружил, всем делал гадости исподтишка. Успешно отслужил в армии. Возвратившись домой, искал контакты с сатанистами, так как чувствовал потребность связи с «темными силами». На экспертизе признавался, что испытывает чувство «зова к сатане», а тяготение к нему заметил у себя еще в детстве.

Родителям нескольких сатанистов удавалось прибегать к помощи психотерапевтов и психиатров для упорядочивания их социального поведения, однако ни в одном случае положительного эффекта не было. Наоборот, попытки вмешательства родителей вызывали агрессивные реакции, даже убийство, случай которого только что упоминался. Сатанизм – религиозная духовность деструктивной направленности, создающая личностную конституцию, которая не корректируется медико-фармакологическими или психологическими методами воздействия.

Религиозная духовность всегда неповторимо индивидуальна, раз сложившись она не изменяется в последующей жизни. Психиатру, конечно, надо иметь представление о духовной сущности своего пациента, поскольку именно она выражает основу его личности, ее конституцию – это всегда помогает в реадaptации больного и может прогнозировать его социальное поведение, в том числе вероятность опасных действий. Знать надо, но не пытаться навязчиво корректировать, поскольку это не может дать результата и лишь вызовет негативную реакцию пациента. Затрагивать религиозные темы следует осторожно, на основе взаимопонимания. Психиатр-атеист, не имеющий

религиозного опыта, без религиозного чувства, живущий вне со-бытия с Богом, вообще не имеет морального права вмешиваться в духовную жизнь своего пациента, предлагать какие-то советы. Можно дать аналогию: кто-то без музыкального опыта, без чувства музыки, без музыкального слуха вдруг бы стал советником Моцарта или позволил себе править сонаты Баха.

В своей практической работе у психиатра могут возникнуть трудности в определении реальности наличия религиозной духовности у пациента и опасность принять за таковую религиозность номинальную. Опыт показал, что утверждения пациента, что он атеист или что он верующий, может полностью не соответствовать действительности. Без религиозного чувства, без религиозного опыта и духовной жизни пациент не может считаться религиозным. Принадлежность к каким-либо религиям, не имеющим духовной основы, верования в истинность этих учений и участие в ритуальных действиях не свидетельствуют о религиозной духовности пациента, например, у адептов сайентологической «церкви» Хаббарда. Религиозное учение, как фабула бреда не свидетельствует о религиозности психически больного, даже если найдутся индуцированные этим бредом адепты «новой религии».

Заклячая свое эссе, мне хотелось бы представить его как некое продолжение упомянутых рассуждений С.С. Корсакова о метафизике и психиатрии. По моему мнению, метафизические проявления надпсихологичны, они выше уровня душевных инструментариев логического познания и общения символами. Коммуникации на метафизическом, духовном уровне иные, они бессловесны, т.е. без участия «биокомпьютера» (головного мозга). Здесь взаимообмен внутреннего духа как высшего уровня интегрального триединства человека и внешнего Духа, Высшего и Бесконечного, происходит в чувственном формате, без материальных информационных носителей и вне временных регламентов. В этом со-бытии человек не слышит указов, наставлений, подсказок или запретов, но он их чувствует, решая по своей свободной воле подчиняться им или нет. Так соединяется внутренний мир человека и внешний духовный мир в единое со-бытие, которое можно обозначить как религиозная духовность, она надпсихологична и поэтому не может быть психопатологической и иметь отношение к понятиям психиатрии. К этому можно добавить: если религиозность – результат научения пониманию духовных сил, то духовность – непосредственное их чувствование и принятие к действию их предписаний в реальной жизни. Религиозная духовность – это осознанное чувство обоюдосторонней связи с Высшей Вечной Духовностью и добровольность в подчиненности ей.

В итоге лекции выделю некоторые тезисы.

Религиозная духовность – интегральное понятие, объединяющее религиозное чувство, его объяснение, веру в истинность этого объяснения и поведение, соответствующее этой вере. Это индивидуальное, нормативное, надпсихологическое свойство личности, выражающееся в чувстве со-бытия с высшей вечной духовностью. Такое со-бытие выражается в обоесторонней чувственной коммуникации и добровольной подчиненности Высшему Началу.

Религиозное чувство – напоминание человеку о его внутренней духовной сущности и неразрывной связи с внешней, Вселенской Духовностью. Реальность переживания религиозного чувства требует своего объяснения. Совместные и согласованные объяснения создают религиозные учения – религию. Непокколебимая уверенность в истинности такого объяснения является религиозной верой. Такая вера, основанная на чувстве со-бытия с духовным, надпсихологична, а поэтому не поддается какой-либо внешней коррекции.

Суть человека определяется религиозной духовностью, она предопределяет его нравственную конституцию и императивы конкретных действий, проявляясь в смыслах и направленности его жизнедеятельности, в особенностях построения социальных отношений.

Надпсихологическое положение религиозной духовности сохраняет свою сущность при возникновении

расстройств на психологическом (психопатология) и телесном уровнях антропологического интеграла (тело–душа–дух). Верховенство Духа в этом единстве придает религиозной духовности определяющую, императивную роль, позволяющую вносить коррекцию и на телесном и душевном уровнях.

В социуме, имеющем доминирующую религиозную традицию, сформировавшаяся религиозная ритуальность может быть нормативной формой поведения даже у людей без религиозного чувства и без главенства духовности в антропном триединстве. Не желая выделяться в своем микросоциуме, такие люди также называют себя верующими, но их изначально психологически индуцированная «религиозность» бездуховна, без внутреннего чувства со-бытия и носит всего лишь номинально-ритуальный характер. У таких людей принятое «как у всех» религиозное верование и учение может легко измениться, поддаться коррекции под психологическим воздействием атеистов или иноверцев. В этих случаях при приятии нового верования понятие «религиозная духовность» к ним не относится именно потому, что она не основана на религиозном чувстве.

Сатанизм – религиозная духовность, деструктивной направленности, создающая личностную конституцию, которая не корректируется медико-фармакологическими или психологическими методами воздействия.

Литература

1. Кондратьев Ф.В. Судьбы больных шизофренией. М.: Юстициформ. 2010. 402 с.
2. Кондратьев Ф.В. Духовность как корректор душевных расстройств // Материалы научной конференции «Междисциплинарный подход к психическим расстройствам и их лечению: миф или реальность?». Санкт-Петербург, 2014. № 101. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://olds-sektain.1gb.ru/Kondratyev/16.html> (дата обращения: 12.12.2017).
3. Кондратьев Ф.В. Религиозность и психопатология. Аспекты взаимовлияния // Российский психиатрический журнал. 2012. № 5. С. 5-13.
4. Кондратьев Ф.В. Значение религиозности для психического здоровья: Доклад на Международных образовательных рождественских чтениях. М., 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://olds-sektain.1gb.ru/Kondratyev/15.html> (дата обращения: 12.12.2017).
5. Кондратьев Ф.В. Душевные и духовные болезни – как их понимают врачи-психиатры // Православие и проблемы биоэтики: сборник работ. М., 2017. С. 305–322.
6. Кондратьев Ф.В. Религиозность психически больного – методологические проблемы ее понимания // Материалы Первой московской международной конференции «Религиозность и клиническая психиатрия» (Москва, 20–21 апреля 2017 года). М., 2017. С. 175–178.
7. Иоанн Павел II. Переступить порог надежды. М.: Информ.-издат. центр «Истина и Жизнь», 1995. 276 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 364 с.
9. Sticco M. San Francesco d'Assisi: Cantico delle Creature, vita e pensiero. Milano, 1990. 236 p.
10. Лосский В.Н. Божественный мрак: очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991. 288 с.
11. Корсаков С.С. Курс психиатрии. М. 1901. 1112 с.
12. Никольский Н.М. Избранные произведения по истории религии. М.: Мысль, 1974. 265 с.
13. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М.: Смысл. 2005. 190 с.
14. Jung C.G. Psychologie de l'inconscient. 5 edit. Geneve: Libr. Univ. Georg et Cie S.A., 1983. 507 p.
15. Джуссани Л. Религиозное чувство. «Путь». М.: Христианская литература, 2000. Кн. 1. 189 с.
16. Кондратьев Ф.В. Проблемы социальной психиатрии и религиозность населения // Сборник «Социальная психиатрия» / Под ред. акад. РАМН Т.Б. Дмитриевой. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского. 2009. Вып. 4. С. 139–166.
17. Кондратьев Ф.В. Сатанизм как реальность и «сатанизм» как психическое расстройство // Люди погибли. Сатанизм в России: попытка анализа. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. 270 с.

References

- Kondrat'ev FV. Sud'by bol'nyh shizofreniej. Moscow; 2010. 402 p. Russian.
- Kondratev FV. Dukhovnost kak korrektor dushevnykh rasstrojstv. In: Materialy nauchnoi konferencii «Mezhdisciplinarnyi podkhod k psikhicheskim rasstrojstvam i ikh lecheniu: mif ili realnost'?» [Electronic resource]. Sankt-Peterburg; 2014. URL: <http://olds-sektain.1gb.ru/Kondratyev/16.html> (Date available: 10.11.2017). Russian.
- Kondratev FV. Religioznost i psikhopatologija. Aspekty vzaimovlianiia. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. 2012;(5):5-13. Russian.
- Kondratev FV. Znachenie religioznosti dlia psikhicheskogo zdorovia: Doklad na Mezhdunarodnykh obrazovatelnykh rozhdestvenskikh chteniiakh [Electronic resource]. Moscow; 2008. URL: <http://olds-sektain.1gb.ru/Kondratyev/15.html> (Date available: 10.11.2017). Russian.
- Kondratev FV. Dushevnye i dukhovnye bolezni – kak ikh ponimaiut vrachi-psikhiatry. In: Pravoslavie i problemy bioetiki: Sbornik rabot. Moscow; 2017. p. 305–22. Russian.
- Kondratev FV. Religioznost psikhicheski bolnogo – metodologicheskie problemy ee ponimaniia. In: Materialy Pervoi moskovskoi mezhdunarodnoi konferencii «Religioznost i klinicheskaia psikhiairiia» (Moscow, 20-21 April 2017). Moscow; 2017. p. 175–8. Russian.
- Ioann Pavel II. Perestupit porog nadezhdy. Moscow; 1995. 276 p. Russian.
- Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla: per. s ang. i nem. Moscow; 1990. 364 p. Russian.
- Sticco M. San Francesco d'Assisi: Canticò delle Creature, vita e pensiero. Milano; 1990. 236 p.
- Losskii VN. Bozhestvennyi mrak: ocherk misticheskogo bogoslovia Vostochnoi tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie. Moscow; 1991. 288 p. Russian.
- Korsakov SS. Kurs psikhiairii. Moscow; 1901. 1112 p. Russian.
- Nikolskii NM. Izbrannye proizvedeniia po istorii religii. Moscow; 1974. 265 p. Russian.
- Vasiliuk FE. Perezhivanie i molitva. Opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniia. Moscow; 2005. 190 p. Russian.
- Jung CG. Psychologie de l'inconscient. 5 edit. Geneve: Libr. Univ. Georg et Cie S.A., 1983. 507 p.
- Dzhussani L. Religioznoe chuvstvo. «Put». Moscow; 2000. Kn. 1. 189 p. Russian.
- Kondratev FV. Problemy sotcialnoi psikhiairii i religioznost naseleniia. In: Ed. Dmitrieva TB. Sbornik «Sotcialnaia psikhiairiia». Moscow; 2009. Vyp. 4. p. 139–66. Russian.
- Kondratev FV. Satanizm kak realnost i «satanizm» kak psikhicheskoe rasstrojstvo. In: Liudi pogibeli. Satanizm v Rossii: popytka analiza. Moscow; 2000. 270 p. Russian.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Немедикаментозные методы в лечении табачной зависимости

Методические рекомендации

Авторы: Сперанская О.И., Ковалева М.Е.

Издатель: ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России

Методические рекомендации посвящены практической реализации Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» в российском здравоохранении. Описаны отдельные методы терапии – биологическая обратная связь, нормобарическая гипокситерапия, биорезонансная терапия. Определены стратегия и тактика их применения с учетом ведущих клинических симптомов табачной зависимости, тяжести ее течения, наличия или отсутствия коморбидных психических расстройств.

Для организаторов здравоохранения, врачей общей медицинской практики и врачей-специалистов, занимающихся вопросами профилактики и отмены курения табака, психиатров-наркологов, психотерапевтов.

Уведомление об исправлении ошибки

По техническим причинам в «Российском психиатрическом журнале» № 6 2017 г. в списке литературы на русском языке к статье А.А. Ткаченко и соавт. «Современная диагностика расстройств сексуального предпочтения (международный опыт)» были пропущены позиции с 43 по 61. В References эти ссылки указаны. Ошибка исправлена при индексации журнала в базе данных «Российский индекс научного цитирования» – список литературы внесен в полном объеме. Приносим извинения авторам за техническую ошибку.